

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Александр Шпаков*

Акунин, Борис.

А 44 Квест : [роман] / Борис Акунин. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-17-088033-1

«Квест» — необычный роман из серии «Жанры», в которой Борис Акунин представляет образцы всевозможных видов литературы, как существующих, так и изобретенных автором.

Книга-игра «Квест» — это роман с двойным дном, вернее, два самостоятельных романа, связанные между собой посредством подсказок-кодов. Несмотря на то, что оба тома являются вполне самодостаточными произведениями, во втором томе найдутся подсказки к «прохождению» первого.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088033-1

© В. Акунин, автор, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Словарь необходимых терминов	5
Intro	7
Profile	15
Tutorial	22
Level 1	44
Level 2	144
Level 3	268
Level 4	417
Level 5	522
Final level	620

СЛОВАРЬ НЕОБХОДИМЫХ ТЕРМИНОВ

квест (от англ. quest — поиск; исполнение рыцарского обета) жанр компьютерной игры, в котором требуется, преодолев цепь препятствий, разгадать тайну или достичь некоей цели

intro вступительный ролик; небольшой мультфильм, являющийся прологом к игре

profile представление персонажа

tutorial обучающий этап, позволяющий освоиться с игровым режимом

level уровень игры

code код, дающий подсказку для перехода на следующий уровень

INTRO

НОЧЬ. ПОДЗЕМЕЛЬЕ. ЛАБОРАТОРИЯ

, оборудованная по самым передовым стандартам. Повсюду стерильная чистота, как в операционной. На белейших кафельных стенах бликуют огоньки — отраженный свет многочисленных ламп и лампочек: ярких и тусклых, белых и цветных, ровно горящих и ритмично помигивающих. Алюминиевые полки уставлены пробирками, колбами, ретортами. На столах шеренги разнокалиберных микроскопов, спектрометров, анализаторов и прочих, еще более хитроумных приборов, назначение которых понятно лишь посвященному. Одним словом, настоящий храм науки. Или же кадр из кинокартины по фантастическому роману Герберта Уэллса.

В абсолютной тишине раздался мышинный писк — это на табло новейшей американской диковины, электрических часов, сменились цифры. Не ведающий погрешностей хронометр зарегистрировал начало новых суток: в нижней строке, обозначающей время, «11.59» превратилось в «00.00»; в календарной вместо «14.04» появилось «15.04»; в строке года («1930») изменений не произошло.

Единственный обитатель чудесной лаборатории, пожилой сутуловатый мужчина в белом халате и черной академической шапочке, рассеянно оглянулся на звук и пропел неважноцким голосишкой: «Уж полночь близится, а Германна всё нет». Продолжения прославленного ариозо из «Пиковой дамы» он толком не помнил и дальше мурлыкал почти без слов: «Я знаю он пам-пам, парам-парам-папам... не может совершить...», однако место, где унылая мелодия вдруг оживает и заряжается адренином, пропел громко, с чувством: «Ночью и днем только о нем думой себя истерзала я!»

Ученый очень походил на доброго доктора Айболита: седоватая эспаньолка, старорежимное пенсне, только взгляд прищу-

ренных блеклых глазок был очень уж остр, слишком быстры и скупы движения.

Айболит неотрывно, с явственным нетерпением наблюдал за работой какого-то сложного агрегата, отдаленно напоминавшего самогонный аппарат. По длинной змеевидной трубке медленно ползли капли, проходя через многоступенчатую систему фильтров. Время от времени мужчина брал пинцетом из квадратного резервуара стеклянные пластинки, покрытые очень тонким слоем неаппетитного сероватого вещества, и осторожно вставлял их в прорезь прибора. Мигала лампочка, агрегат издавал довольное урчание, движение жидкости в трубке чуть ускорилось.

Наконец прозвучал звоночек, из краника в пробирку упала вялая капля.

— Заждались вас, милочка, заждались, — сказал ей профессор (судя по представительной внешности, да и по великолепной оснащённости лаборатории, это был как минимум профессор, возможно даже академик). Сказал — и хихикнул. Как многие очень одинокие люди, он имел привычку бормотать под нос. Сам себя бранил, хвалил, веселил шутками, сам этим шуткам смеялся. Он вообще был человек веселый, органически неспособный падать духом или скучать.

Зато сердился часто.

— А вы, батенька, мне уже осточертели! — обругал он один из четырех стоявших на письменном столе телефонов, который вдруг взял и затрезвонил. И в трубку Айболит тоже заговорил сварливо:

— Что там еще? Я ведь кажется просил не беспокоить!

Шур-шур-шур, зашелестела, оправдываясь, трубка.

— Новое поступление? Ну хорошо.

Так же быстро успокоившись, профессор направился к двери.

Изнутри она выглядела обыкновенно: белая, деревянная — дверь как дверь. Но когда ученый, произведя сложные манипуляции с затвором, открыл ее, оказалось, что створка претол-

стая, внутри укреплена сталью и открывается при помощи гидравлического механизма, ибо очень уж тяжела.

Вошел ассистент, прижимая к груди квадратный металлический чемоданчик. Белый халат зацепился за косяк.

— Застегнитесь, это научное учреждение, — строго велел профессор, показывая пальцем на высунувшуюся из-под завернувшейся полы кобуру.

— Виноват, товарищ директор.

Молодой человек поставил свою ношу на стол и поспешно оправился.

Однако Айболит на него уже не смотрел. Он быстро набрал на крышке чемоданчика код, отщелкнул крышку.

Внутри лежали три одинаковых цилиндрических контейнера.

«В.В. Маяковский (14.04. 1930)», сообщала надпись на аккуратной этикетке первого.

— Это же литератор! — разочарованно воскликнул директор (а не профессор и не академик; хотя второе и третье первого отнюдь не исключало). — Я читал в газете, он застрелился. Зачем мне литератор?

— Есть распоряжение считать посмертно великим пролетарским поэтом.

— В самом деле? А он разве не в висок?

— В сердце, товарищ директор.

— Хм, поэт? Черт знает что... *Mundus idioticus*, — забормотал исследователь. Задумался. — Хотя, с другой стороны, властитель дум, камертон эпохи... Ладно, поставьте туда. А что остальные два?

— Эти присланы от товарища Картусова. По линии заграничного отдела.

Ассистент достал другие контейнеры, наклейки на которых ученый прочитал с явным удовлетворением.

«У.Г. Тафт (08.03.1930)».

«А.Дж. Бальфур (19.03.1930)».

— Вот это другое дело! — И рукой на помощника. — Ступайте, голубчик, ступайте.

Подождав, пока монументальная дверь закроется, товарищ директор извлек из контейнеров три одинаковые стеклянные банки, кажется, довольно тяжелые. Нажал кнопку — в одной из стен раздвинулась панель. За ней виднелись полки, на них — ряды точно таких же банок. Всё это напоминало отдел маринованных овощей в бакалейном магазине. Точнее, лишь одного овоща: цветной капусты. В прозрачном растворе мирно покоились одинаковые серовато-белые кочанчики. Присовокупив к ним новое поступление, ученый обернулся к своему самогонному аппарату, который, звякнув, исторг из себя еще одну натужную каплю.

— Ну-с, ну-с, пожалуй, что довольно, — пропел исследователь на мотив «Интернационала», — пора анализ проводить!

Потер белокожие ручки, капнул из пробирки на стеклышко, сунул стеклышко в микроскоп, взволнованно засопел.

Через минуту-другую вскричал:

— Не то! Не то! Дрянь этот ваш Бенц, вот что!

Теперь он расстроился (да и рассердился) всерьез.

— *Mundus idioticus!* Однако это невыносимо! Сколько можно? — непонятно приговаривал директор, гневно притопывая. — Что они там, в конце концов?

Он подсеменил к письменному столу, схватил телефон (не тот, что недавно звонил, — другой).

— Семнадцатый, вас слушают, — ответили на том конце. — Говорите.

— Соедините с Заповедником.

Несколько секунд спустя другой голос сказал:

— Да, товарищ директор?

— Давали? — требовательно спросил Айболит.

— Конечно, давали. Ведь нынче третий день.

— Результат?

— Отчет отправлен мотоциклеткой, со спецкурьером.

— Что там, в вашем отчете? — От нетерпения ученый подергивал себя за бородку. — Без воды, только суть!

— Как одиннадцатого. «Ломоносов. Загляните в Ломоносова». Больше ничего.

— «Загляните»?

«Ломоносов. Загляните в Ломоносова», — быстро записал исследователь на листке.

— Этого следовало ожидать. Там, очевидно, система защиты. Ладно, продолжайте сеансы... Ну а я, грешный, буду и дальше тянуть за вымя дохлую корову...

Последнюю фразу он произнес, уже рассоединившись. Некоторое время невидящим взглядом смотрел на телефоны, напряженно размышляя.

Снова зазвонил первый аппарат. На диске у него было написано «ПС», что вообще-то означало «приемная-секретариат», но директор любил переиначивать аббревиатуры по своему.

— Да, псих-стационар, слушаю вас. Что еще?

— К вам двое товарищей из ЦК. По срочному делу.

Хозяин таинственной лаборатории проворчал: «Це-ка, це-ка. Цепные Кобели». Подошел к двери. Открыл, однако, не сразу. Сначала подсмотрел в специальный глазок с широкоугольным объективом, позволявшим видеть всю приемную.

Оглядел ассистента за секретарским столом, с телефонной трубкой возле уха. Второго ассистента (этот в деревянной позе сидел на стуле). И еще двух людей — несомненно тех самых, из ЦК.

Их директор разглядывал примерно с минуту.

Один был бритоголовый, ладно скроенный, с усами щеточкой. Второй пожиже, молодой, но совершенно седой.

— Скажите, что я занят. Пусть подождут.

Айболит снял трубку с третьего телефона, наборный диск которого имел всего одно отверстие. Хоть время было позднее, но человек, с которым хотел связаться ученый, не имел обыкновения спать по ночам — как, впрочем, все вожди Советского государства.

— Алё, алё! — Директор постучал по аппарату, подул в микрофон. Линия была мертва. — Ну уж это я не знаю! — Он шмякнул трубкой о рычаг. — Главная линия связи, и на той перебои. *Mundus idioticus!*

ПокOLEбался еще немного — и пошел отпирать. В глазок больше не заглядывал.

А между прочим напрасно.

Как только бронированная переборка защелкала секретными рычажками и завздыхала гидравликой, в приемной стали происходить удивительные вещи.

Посланцы Центрального Комитета партии переглянулись и, очевидно, действуя по предварительной договоренности, шагнули один к первому ассистенту, другой ко второму. Бритый ударил человека за столом в переносицу — очень резко и сильно. Сидящий опрокинулся без стопа и крика. Он раскинул руки, закатил глаза под лоб и больше не шевелился.

Молодой поступил более жестоко — ударил кастетом, причем в висок, так что на пол свалилось бездыханное тело.

— Ты что, Кролик? — У бритого поперек крутого лба прорезалась морщина. — Это же наш товарищ!

Убийца хладнокровно вытирал платком забрызганный кровью манжет. Вблизи было видно, что волосы у него не седые, а бесцветные: и на макушке, и на бровях, и на ресницах. Глаза же очень светлые, с розоватыми белками, как это бывает у альбиносов.

— Шеф, опять вы дразнитесь, — пожаловался он. — Я не кролик. А кокнул я его, потому что вы сами сказали: наверняка и без оплошки. Сами сказали, а сами теперь...

— Ладно-ладно, прав, — быстро перебил его начальник, приложив палец к губам — дверь начала открываться.

Он сразу же сунул в щель носок сапога, сильной рукой толкнул створку и ринулся внутрь. Белоголовый не отставал ни на шаг.

Доктор Айболит попятился от двух направленных на него пистолетов. Его подвижная физиономия исказилась гримасой не столько страха, сколько досады.

— О господи, здрасьте-пожалуйста, — вздохнул ученый, отступая все дальше и дальше. Его рука непроизвольно шарила по гладкой стене. Нашупала выключатель, повернула. Лампы на потолке погасли, однако это мало что изменило: в лаборатории стало сумрачно, но не темно — огоньки многочисленных приборов давали вполне достаточно света.

— На сей раз «прощай». — Главный спрятал в карман свое оружие и подал знак альбиносу. У того ствол ТТ (новейшая экспериментальная модель) заканчивался странной дырчатой трубкой. — В голову, а то знаем мы эти штуки...

Поняв, что спасения ждать неоткуда, директор остановился. Обреченно закричав, улегся на живот. Пенсне отложил в сторону, руки пристроил по швам, лицом уткнулся в ковер.

— *Mundus idioticus*, — глухо повторил он свою излюбленную присказку. — Чтоб вам всем провалиться...

Беловолосый молодой человек опустился на одно колено, аккуратно примерился и выстрелил лежащему прямо в матерчатую шапочку. Дуло пистолета изрыгнуло огонь, но вместо выстрела раздался сочный хлопок. Голова жертвы дернулась.

«Шеф» глаз не отвел, но поморщился. А убийца, наоборот, улыбнулся.

— Наш советский глушитель, но не хуже бельгийского. В соседней комнате было бы не слышно.

— Выпендриваешься, Кролик. Зачем глушитель? В соседней комнате подслушивать некому. Один в отключке, второго ты грохнул.

— А на будущее? Чтоб проверить. И пожалуйста, шеф, я просил, не зовите меня кроликом. Моя фамилия Кролль!

— Хорошо, не дуйся. Ты не кролик. Удав. — «Шеф» смотрел на тело. — Чем болтать, лучше убедись, точно ли.

— Чего убеждаться? Я стрелял в затылочную долю, под углом сорок пять градусов. Пуля пошла через мозжечок, мозолистое тело и свод мозга. Это мгновенная смерть.

— Уверен?

— Обижаете. У меня четыре курса медицинского. — Альбинос присел, пощупал мертвецу артерию. — Пульса нет. Можете сами проверить.

— Молодец, Кролик. Получишь морковку... Стало быть, конец бессмертному Кашею.

Бритоголовый уже не смотрел на покойника. Неторопливо прошел через лабораторию, посматривая вокруг с любопытством и отвращением. Наклонился над письменным столом, включил лампу. Прочел запись, сделанную директором после звонка в заповедник.

— Еще и Ломоносова тебе подавай? Совсем спятили!

Открытый стенной шкаф с коллекцией маринованной цветной капусты почему-то вызвал у «шефа» настоящий приступ ярости.

— Чертов паук! Трупоед!

На пол полетела одна банка, вторая. Резко запахло формалином. Погромщик хотел расколотить следующий сосуд, но прочел этикетку и замер.

— Маяковский?!

Трехэтажно выругался, сплюнул, однако банку почтительно поставил на место.

— Всё! Дело сделано. Уходим.

Убийцы скрылись за дверь.

В лаборатории стало тихо. Было слышно, как из краника самогонного аппарата упала очередная капля.

Минуту спустя застреленный доктор Айболит зашевелился, сел. Брезгливо сдернул с головы запачканную красным шапочку.

— В каких условиях приходится работать! — пробурчал он. — O mundus idioticus!

PROFILE

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ

, что вас зовут Гальтон Норд, что вам тридцатый год от роду и что вы занимаетесь самой интересной профессией на свете — экспериментальной фармакологией. У вас три докторских степени: по медицине, химии и биологии, вы на отличном счету на службе, в Этнофармацевтическом Центре знаменитого нью-йоркского Института Ротвеллера, но при всем при этом вы, в сущности, довольно скромный винтик огромного и сложного механизма, настоящего улья, в различных отсеках которого, разбросанных по всему миру, трудятся десятки тысяч людей.

И вдруг вас срочно вызывают Наверх, к самому высокому начальству. Не к заведующему Центра, даже не к директору Института, а к самому Джей-Пи Ротвеллеру, владельцу транснациональной корпорации, над которой никогда не заходит солнце, к царю царей, выше которого на земле, наверное, лишь президент США и папа римский, да и то не факт, потому что на долгом веку великого Ротвеллера сменилось множество президентов и пап, причем некоторых Джей-Пи, как говорится, создал собственными руками.

Прибавьте к этому, что за восемь лет работы в Институте вы ни разу вживую не видели своего работодателя и не были уверены, что Небожитель вообще знает о вашем существовании.

«Небожитель» — одно из прозвищ Джей-Пи, потому что его офис находится в пентхаусе ротвеллерского небоскреба, под самыми облаками. Немногих избранных, кого приглашают Наверх, возносит под крышу особый скоростной лифт.

Заведующий Центром, который ни разу не был удостоен подобной чести, о причине внезапного вызова не извещен и поражен не меньше вашего.